

323	0263	НАТАЛЬЯ КРАНДИЕВСКАЯ	"Плач о Китеже"	"В старой Москве"
324	0263-2	НАТАЛЬЯ КРАНДИЕВСКАЯ	"Плач о Китеже"	"Ночью на крыше"

"Плач о Китеже" (Коренблит – Крандиевская)

Часть 1 "В старой Москве"

1. Звук – 1.28
2. Моё начало – 1.47
3. У новогодней ёлки – 1.14
4. Гаданье – 2.37
5. Палочка-выручалочка – 1.52
6. Поиски троп – 1.21
7. Где же мой дом? – 1.29
8. Названия – 1.09
9. Своему сердцу – 1.29
10. Так случилось – 1.50
11. Ты спишь – 1.27
12. Цыганский романс – 2.14
13. Твоё логово – 1.18
14. Перечитывая письмо – 2.17
15. Мне довольно – 1.43
16. Струйка дыма – 1.46
17. В сердце сумерек – 1.32
18. Бессонная тоска – 1.12
19. Я проснуться боюсь – 1.45
20. Пробуждение – 1.22
21. Наркоз ночной сирени – 1.42
22. Это было преступлением – 1.19
23. Без тебя – 1.30
24. Похороны – 1.31
25. Так случилось – 1.46
26. Памяти поэта – 2.27
27. Плач о Китеже – 2.03
28. Над пропастью – 2.44
29. Подражай зверям – 1.19
30. Российская петля – 2.34
31. Крещение – 1.31

Общее время звучания – 53.20

Общее время звучания – 102.11

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1 "В старой Москве"

1. ЗВУК

Начало жизни было — звук,
Спираль во мгле гудела, пела,
Торжественный сужая круг,
Пока ядро не затвердело.

И все оцепенело вдруг.
Но в жилах недр, в глубинах тела
Звук воплотился в сердца стук,
И в пульс, и в ритм вселенной целой.

И стала сердцевиной твердь,
Цветущей, грубой плотью звука.
И стала музыка порукой
Того, что мы вернемся в смерть.

Что нас умчат спирали звенья
Обратно в звук, в развоплощенье.

2. МОЁ НАЧАЛО

Нет, не грядущее мне дико,
А прошлое небытие!
Ужель с младенческого крика
Возникновение мое?

Меня иному память учит.
Пусть жизнь из мрака начата,
Порой томит ее и мучит
Воспоминания тщета.

И часто по дороге древней
Я духом возвращаюсь вспять,
Чтоб проследить мой путь кочевный
И нить в прошедшем оборвать.

Но нет конца ей, вдаль бегущей...
И я, раздумьем жизнь дробя,
На миг и в прошлом, как в грядущем,
Теряю в вечности себя!

3. У НОВОГОДНЕЙ ЁЛКИ

День прошёл, да мало толку!
Потушили в зале елку.
Спит, забытый на верхушке,
Ангел, бледный от луны.
Золотой орешек с елки
Положу я под подушку —
Будут радостные сны.

В час урочный скрипнет дверца —
Это сон взойдет и ляжет
К изголовью моему.
— Спи, мой ангел, — тихо скажет.
Золотой орешек-сердце
Положу на грудь ему.

4. ГАДАНЬЕ

Горит свеча. Ложатся карты.
Смущенных глаз не подниму.
Прижму, как мальчик древней Спарты,
Лисицу к сердцу моему.

Меж черных пик девяткой красной,

Упавшей дерзко с высоты,
Как запоздало, как напрасно
Моей судьбе предсказан ты!

На краткий миг, на миг единый
Скрестили карты два пути.
А путь наш длинный, длинный, длинный,
И жизнь торопит нас идти.

Чуть запыхав, остынут угли,
И стороной пройдет гроза...
Зачем же веще, как хоругви,
Четыре падают туза?

5. ПАЛОЧКА-ВЫРУЧАЛОЧКА

Вещи есть совсем обычные,
Незаметные, привычные, —
И не думаем о них,
Например, вот эта палочка,
Путевод и выручалочка,
Антигона всех слепых.

Мне она отныне спутница,
От любой беды заступница,
Шепчет: «Стой, не торопись.
Осторожно, помаленечку
Отыщи ногой ступенечку
И на ней не оступись!

Я в пути твоём разведчица,
Я аа каждый шаг ответчица,
Шарю, шарю впереди...
Здесь ложбина, здесь — обочина,
Здесь тропа дождем источена,
Ну а здесь — смелей иди!

6. ПОИСКИ ТРОП

Непредвиденный случай,
Иль удача моя,
Или просто живучей
Уродилась я, —

Но была не легка мне
Участь, день изо дня,
Так вот, с камня на камень
Перепрыгивать пламень
Над пучиной огня.

Угадать направленье,
Сил удвоить запас,
Чтобы ни на мгновенье
Дальний берег спасенья
Не терялся из глаз.

Верить, верить со страстью
В этот берег, такой
Очевидный, что счастья
Слышать пульс под рукой...

О какой же геройской
Говоришь ты судьбе?
Это все только поиски
Троп, ведущих к тебе.

7. ГДЕ ЖЕ МОЙ ДОМ?

Клонятся травы ко сну,
Стелется в поле дымок,
Ветер качает сосну
На перекрестке дорог.

Ворон летит в темноту,
Еле колышет крылом —
Дремлет уже на лету...
Где же ночлег мой и дом?

Буду идти до утра,
Ноги привыкли идти.
Ни огонька, ни костра
Нет у меня на пути.

8. НАЗВАНИЯ

Небо называют — голубым,
Солнце называют — золотым,

Время называют — невозвратным,
Море называют — необъятным,

Называют женщину — любимой,
Называют смерть — неотвратимой,

Называют истины — святыми,
Называют страсти — роковыми.

Как же мне любовь мою назвать,
Чтобы ничего не повторять?

9. СВОЕМУ СЕРДЦУ

Высокомерная молодость,
Я о тебе не жалею!
Полное пены и холода
Сердце беречь для кого?

Близится полдень мой с грозами,
Весь в плодоносном цветении.
Вижу с блаженными розами
Колос и терн перевит.

Пусть не одною усладою —
Убылью, горечью тления,
Смертною тянет прохладою
Из расцветающих недр, —

Радуйся, к жертве готовое,
На острие вознесенное,
Зрей и цвети, иступленное
Сердце, и падай, как плод!

10. ТАК СЛУЧИЛОСЬ

Я не прячу прядь седую
В тусклом золоте волос.
Я о прошлом не тоскую —
Так случилось, так пришлось.

Все светлее бескорыстье,
Все просторней новый дом,
Все короче, проще мысли
О напрасном, о былом.

Но не убыль, не усталость
Ты несешь в мой дом лесной,
Молодая моя старость
С соучастницей-весной!

Ты несешь ко мне в Заречье
Самый твой роскошный дар:
Соловьиный этот вечер
И черемухи угар.

Ты несешь такую зрелость
И такую щедрость сил,
Чтобы петь без слов хотелось
И в закат лететь без крыл.

11. ТЫ СПИШЬ

Ты спишь, а я гляжу, бессонная,
В лицо твое, преображенное
Холодным таинством луны.
И всею нежностью утраченной,
И всей разлукой предназначенной
Мои раздумия полны.

Твое лицо – как цвет магнолии,
И на груди лежит в безволии
Рука, скрещенная с рукой,
В такой усталости утонченной,
Как будто все уже окончено
И все исполнено тобой.

12. ЦЫГАНСКИЙ РОМАНС

Недаром пела нам гитара
О роковой, о нежной встрече.
Опять сияньем и угаром
Цыганский голос давит плечи.

Глядеть на милое лицо
Твое, ах, лучше бы не надо.
Другое на руке кольцо,
И новый голос плачет рядом.

Но тот же ты, и та же я,
Пускай полжизни бури взрыли.
Ах, ты да я... Ах, ты да я...
Мы ничему не изменили.

13. ТВОЁ ЛОГОВО

Я твоё не трону логово,
Не оскаливай клыки.
От тебя ждала я многого,
Но не поднятой руки.

Эта ненависть звериная,
Из каких она берлог?
Не тебе ль растила сына я?
Как забыть ты это мог?

В дни, когда над пепелищами
Только ветер закружит,
В дни, когда мы станем нищими,
Как возмездие велит,

Вспомню дом твой, за калиткою
Волчьей ненависти взгляд,
Чтобы стало смертной пыткой
Оглянуться мне назад!

14. ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПИСЬМО

В гостиной беседа за чайною чашкой.
В углах уже тени, а в окнах — закат.
И кружатся галки над Сивцевым Вражком,
И март, и капель, и к вечерне звонят.

Давно карандашик ментоловый водит
Хозяйка над бровью, скрывая мигрень.
Но вот и последняя гостя уходит,
Кончается долгий и суетный день.

И в доме тогда зажигаются свечи,
А их на стене повторяет трюмо.
Платок оренбургский накинув на плечи,
Она перечитывает письмо.

Письмо о разрыве, о близкой разлуке.

«Ты слишком умна, чтоб меня осудить...»
Почти незаметно дрожат ее руки.
Две просьбы в конце: позабыть и простить.

Свеча оплывает шафрановым воском,
И, верно, страдание так молодит,
Что женщина кажется снова подростком,
Когда на свечу неподвижно глядит.

15. МНЕ ДОВОЛЬНО

Люби другую, с ней дели
Труды высокие и чувства,
Ее тщеславье утоли
Великолепием искусства.

Пускай избранница несет
Почетный груз твоих забот:
И суеты столпотворенье,
И праздников водоворот,
И отдых твой, и вдохновенье, —
Пусть все своим она зовет.

Но если ночью иль во сне
Взалкает память обо мне
Предосудительно и больно,
И, сиротеющим плечом
Ища плечо мое, невольно
Ты вздрогнешь, — милый, мне довольно,
Я не жалею ни о чем!

16. СТРУЙКА ДЫМА

Твоих очков забытое стекло,
Такой пустяк, — подумай!
И вот уж память мне опять заволокло
Меланхолическою думой.

О вещи, сверстники неповторимых дней!
Вы нас переживете.
Надежней вы, и проще, и верней,
Не сдвинет время вас в полете.

Где тот, кого в пути сопровождали вы?
И был ли он? Не верю.
Глухонемых вещей свидетельства — мертвы,
Они не выдадут потерю.

Они останутся, как памятник тому,
Что в этой жизни непреодолимо
Скользит к изнеможенью своему
И улетает струйкой дыма.

17. В СЕРДЦЕ СУМЕРЕК

Тает долгий зимний день...

Все слилось во мгле туманной,
Всеобъемлющей и странной...
В доме сумерки и тень,

О, мечтательный покой
Зимних сумерек безбрежных,
И ласкающих, и нежных,
Полных прелести немой!

В старом доме тишина,
Все полно дремотной лени,
В старом доме реют тени...
В старом доме я одна.

Чуть доносится ко мне
Шумных улиц гул нестройный,
Словно кто-то беспокойный
Тщетно мечется во мгле!

Ночь крадется у окна...
С бледной немощной улыбкой
Тает день больной и зыбкий.
В сердце сумрак... Тишина...

18. БЕССОННАЯ ТОСКА

Шатается по горенке,
Не сыщет уголка
Сестрица некрещенная,
Бессонная тоска.

Присядет возле ног моих,
Колени обовьет,
Бормочет мне знакомый стих
И все поет, поет.

И руки бесприютные
Все прячет мне на грудь,
Глядит глазами смутными,
Раскосыми чуть-чуть...

19. Я ПРОСНУТЬСЯ БОЮСЬ

Мне снится твой голос над тихой рекой
И лунный свет.
Рука моя снова с твоей рукой,
Разлуки нет.

О, счастье мое! Я проснуться боюсь,
Боюсь вздохнуть.
Ты, призрак, ты, тень неживая, молю, —
Побудь, побудь!

Но тает твой облик, луной осиян,
Струится он.

Я только речной обнимаю туман,
Целую — сон!

20. ПРОБУЖДЕНИЕ

На рассвете сон двоится,
Холодок какой-то снится,
И сквозь сон из тишины
Нарастает гул струны.

Станный сон, сквозной и хрупкий,
Сон, готовый на уступки...
Жизнь висит на волоске,
Бьется жилкой на виске.

Я хочу сквозь сон пробиться,
Закричать, перекреститься,
Страх осмыслить наяву,
Убедиться, что живу!

И, проснувшись, долго, странно,
На квадрат окна туманный
И на бледную зарю,
Как воскресшая, смотрю.

21. НАРКОЗ НОЧНОЙ СИРЕНИ

Там, в двух шагах от сердца моего,
Харчевня есть — «Сиреневая ветка».
Туда прохожие заглядывают редко,
А чаще не бывает никого.

Туда я прихожу для необычных встреч.
За столик мы, два призрака, садимся,
Беззвучную ведем друг с другом речь,
Не поднимая глаз, глядим, не наглядимся.

Галлюцинация ли то, иль просто тени,
Видения, возникшие в дыму,
И жив ли ты, иль умер, — не пойму...
А за окном наркоз ночной сирени
Потворствует свиданью моему.

22. ЭТО БЫЛО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Нет! Это было преступленьем,
Так целым миром пренебречь
Для одного тебя, чтоб тенью
У ног твоих покорно лечь.

Она осуждена жестоко,
Уединенная любовь,
Перегоревшая до срока,
Она не возродится вновь.

Глаза, распахнутые болью,

Глядят на мир, как в первый раз,
Дивясь простору, и раздолью,
И свету, греющему нас.

А мир цветет, как первозданный,
В скрещенье радуги и бурь,
И льет потоками на раны
И свет, и воздух, и лазурь.

23. БЕЗ ТЕБЯ

Ты был мне посохом цветущим,
Мой луч, мой хмель.
И без тебя у дней бегущих
Померкла цель.

Куда спешат они, друг с другом
Разрозненны?
Гляжу на жизнь свою с испугом
Со стороны.

Мне смутен шум ее и долог,
Как сон в бреду.
А ночь зовёт за тёмный полог:
— Идёшь? — Иду.

24. ПОХОРОНЫ

Упадут перегородочки,
Свет забрезжится впотьмах.
Уплывет он в узкой лодочке,
С медным крестиком в руках.

Будет все как полагается, —
Здесь, на холмике сыром,
Может, кто-то разрыдается,
Кто-то вспомнит о былом.

И вернуться все трамваями
В мир привычной суеты.
Так умерших забываем мы.
Так его забудешь ты?

25. ТАК СЛУЧИЛОСЬ 2

Так случилось под конец,
Не могли сберечь колец.
Потерялся твое,
Я не знаю, где мое.

Так случилось, так пришлось, —
Мукой сердце извелось.
Стало каменным твоё,
И обуглилось моё.

Не ропщи и не зови,

Не вернуть назад любви.
Бродит по свету моя,
Под крестом лежит твоя.

26. ПАМЯТИ ПОЭТА

И снится мне хутор за Волгой,
Киргизская степь, ковыли,
Протяжно рыдая и долго,
Над степью летят журавли.

И мальчик глядит босоногий
Вослед им и машет рукой: —
Летите, счастливой дороги!
Ищите весну за рекой!

И только по сердцебиенью,
По странной печали во сне
Я вдруг понимаю значение
Того, что приснилось мне.

Твое это детство степное,
Твои журавли с высоты
Рыдают, летя за весною,
И мальчик босой — это ты.

27. ПЛАЧ О КИТЕЖЕ

Больше не будет свидания,
Больше не будет встречи.
Жизни благоухание
Тленьем легло на плечи.

Как же твое объятие,
Сладостное до боли,
Стало моим проклятием,
Стало моей неволей?

Нет. Уходи. Святотатства
Не совершу над любовью.
Пусть монастырское братство,
Пусть одиночество вдовье,

Пусть за глухими воротами
Дни в монотонном уборе.
Что же мне делать с вами,
Недогоревшие зори?

Скройте вы за облаками,
Больше вы не светите!
Озеро перед глазами,
В нём — затонувший Китеж.

28. НАД ПРОПАСТЬЮ

Было все со мной не попросту,

Все не так, как у людей.
Я не жаловала попусту
Шалой юности затей.

В ночь морозную, крещенскую
Не гадала у свечи.
Со знахаркой деревенскою
Не шепталась на печи.

Не роняла слезы девичьи
На холодную постель,
Поджидая королевича
Из-за тридевять земель.

Ни веселой, ни монашенкой
Я в народе не слыла.
Над моей высокой башенкой
Месяц поднял два крыла.

По ночам пугали филины,
Да и те не ко двору.
Я шелками птицу Сирина
Вышивала по ковру.

Домик с песнями, с причудами
Лунный ветер навещал,
Сны серебряными грудами
К изголовью навевал.

Горностаевою шкуркою
Укрывал от холодов,
Называл меня снегуркою
С олонецких берегов.

И за то, что недотрогою
Прожила до этих пор,
Ныне страшною дорогою
Жизнь выводит на простор.

Шатким мостиком над пропастью,
По разорам пустырей...
Все теперь со мною попросту,
Все теперь как у людей!

29. ПОДРАЖАЙ ЗВЕРЯМ

Хамелеоны пестрых слов,
Коварство их и многоличье...
Спасай меня, косноязычье!
Дай рык звериный, горло птичье,
Заблудшего оленя рев!

Они правдивей во сто крат
И во сто крат красноречивей,

Когда поют с природой в лад,
Когда в бесхитростном порыве
О бытии своем вопят.

Будь как они! Завидуй им,
Они одни чисты, как пламя,
О чем не ведают и сами,
А мы лукавим, мы мудрим,
И между слов змеей скользим,
И ускользаем за словами.

30. РОССИЙСКАЯ ПЕТЛЯ

Писем связка, стихи да сухие цветы —
Вот и все, что наследуют внуки.
Вот и все, что оставила, гордая, ты
После бурь вдохновенья и муки.

А ведь жизнь на заре, как густое вино,
Закипала языческой пеной!
И луна, и жасмины врывались в окно
С легкокрылой мазуркой Шопена.

Были быстры шаги, и движенья легки,
И слова нетерпением согреты.
И сверкали на сгибе девичьей руки,
По-цыгански звенели браслеты!

О, надменная юность! Ты зрела в бреду
Колдовских бормотаний поэта.
Ты стихами клялась: исповедую, жду! —
И ждала незакатного света.

А уж тучи свивали грозный венок
Над твоей головой обреченной.
Жизнь, как пес шелудивый, скулила у ног,
Выла в небо о гибели черной.

И Елабугой кончилась эта земля,
Что бескрайние дали простерла,
И все та же российская сжала петля
Сладкозвучной поэзии горло.

31. КРЕЩЕНИЕ

Не голубые голуби
Спускаются на проруби
Второго Иордана.

Слетает вниз метелица,
Колючим вихрем стелется,
Свивает венчик льдяный.

И рамена Крестителя
Доспехами воителя,

Не мехом сжаты ныне.

Горит звезда железная,
Пятиугольной бездною,
Разверстою пустыней.

Над голой кожей зябкою
Лишь ворон черной тряпкою
Взмахнет и отлетает.

Новокрещен морозами,
Дрожит младенчик розовый,
Дрожит и замерзает.